

306 н/з
1917
N43

ТРАУРНЫЙ
НОМЕРЪ.

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 60 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 70 К.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 43

ДЕКАБРЬ. 1917

Рис. Ре-ми.

И СТАЛО ТАКЪ...

Слова о крови.

І.

Кровь.

Кто может солнце побороть,
Посвятить смуту въ звѣздномъ станѣ?
Даритель вѣчный далъ намъ плоть, —
Источникъ радостныхъ желаній.

Жить, знать, что милая рука,
Свѣтло хранить уютъ желанный;
Слѣдить надъ садомъ облака,
Вдыхая май благоуханный.

Лелѣять пѣсни и цвѣты,
Надъ строгой книгой мыслить ново,
Иль въ шумъ пестрой суеты
Подслушать мертвенное слово.

Смотрѣть на томную луну
Въ пустомъ затихшемъ переулкѣ,
Встрѣчать за городомъ весну,
Когда ручьи въ оврагахъ гулки.

Когда стужайля на стеклѣ
Напишеть узоръ-небылицу,
Какъ въ дѣтствѣ, въ сумеречной мглѣ,
Повѣришь въ плѣнную жаръ-птицу.

Миръ такъ прекрасенъ и широкъ,
И полонъ озаренной нови,
А въ сердцѣ неизбывный токъ
Могучей животворной крови.

И надо свято кровь беречь,
Чтобъ счастье было безпредѣльно
Нельзя пролиться ей и течь
Не осторожно и безцѣльно.

Пролившей кровь не смѣетъ ждать
Люви и солнечнаго смѣха:
Во вѣкъ могильная печать
Во всемъ, вездѣ ему помѣха.

Александръ Рославлевъ.

За гробомъ матери.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Есть такое выраженіе:
— Смѣяться до слезъ.
И сейчасъ такъ смѣется вся Россія: смѣется до слезъ.
Это именно тотъ горловой удушливый смѣхъ, который
вырывается помимо вашей воли. Прекратить этотъ смѣхъ
нельзя: вслѣдъ за нимъ слѣдуетъ истерика.

Это грандіозное зрѣлище: вся несчастная Россія ката-
ется по землѣ, корчится въ припадкѣ смѣха, смѣшаннаго съ
рыданіями, съ воплями:

— Ой, не могу больше, пустите. О-ой, пощадите, умру.
Вся Россія опьянѣла отъ свободы, какъ Ной отъ вина.
А пришелъ Хамъ, открылъ ея худое немытое тѣло и по-
казалъ это непристойное зрѣлище всему міру:

— Видѣли пьяную дуру? Дорвалась, хи-хи.
Несчастливая, обокраденная, изнасилованная Россія валя-
ется, голая, во прахѣ, а Хамъ подталкиваетъ ее — мать
свою — ногой и хохочетъ.

И Россія хохочетъ вслѣдъ за нимъ.
Пьяная истерика.

* * *

Россія! Мать моя! За что я люблю тебя, пьяная ты,
несчастливая, жестокая дура? Вѣдь мы за тебя рисковали сво-
ей свободой и головой — всѣ Симы и Іафеты, мы всѣ, ста-
рающіеся сейчасъ прикрыть твою наготу, пьяная ты дурѣха,
мы, отталкивающіе своей слабой рукой огромную лапу Хама,
совлекшаго съ тебя ветхія одежды твои.

Ахъ, если бы все, что сейчасъ происходитъ, касалось не
тебя, какъ бы мы посмѣялись!

Подумайте, какая трагедія: смѣхъ, это наша профессія,
это стихія сатириконецвъ, а мы не можемъ смѣяться.

Мы могли бы плавать въ смѣхѣ, въ этомъ чудовищномъ
бурлящемъ океанѣ смѣха, а мы, беспомощные, лежимъ на
берегу этого океана на пескѣ, и только судорожно откры-
ваемъ ротъ.

Улыбка это? Точно такая же улыбка бываетъ у дох-
лыхъ собакъ, когда пасть раскрыта и зубы оскалены. Не
думаю, однако, чтобы такой собакъ было весело.

И какъ на зло въ послѣднее время во многихъ газетахъ
появились отдѣльныя строчки и даже цѣлыя статьи, твердя-
щія одно и то же:

«Переживаемое нами время достойно страницъ
«Сатирикона»».

«Декретъ большевиковъ, будто бы сочинялся сотруд-
никами «Сатирикона»».

«Вся большевистская авантюра, будто бы только
для того и затѣяна, чтобы доставить матеріаль «Сатири-
кону»».

А въ одной газетѣ даже цѣлая статья по поводу скон-
струирования большевистскаго кабинета, такъ и называлась:
— Министерство изъ «Сатирикона»».

Странно: всюду склоняется — «Сатириконтъ», «Сатири-
контъ», «Сатирикону», а намъ, сатириконцамъ, не смѣшно.

Отчего бы это? Цѣлый океанъ смѣха, а мы задыхаемся
на сухомъ берегу, судорожно открывая рты.

Нельзя сказать, чтобы чувство юмора оставило насъ...

Развѣ не смѣшно, что Керенскій вызвалъ Корнилова про-
тивъ большевиковъ, на полдорогѣ спохватился, объявилъ Кор-
нилова контръ-революционеромъ, предалъ Корнилова больше-
викамъ, потомъ самъ попалъ имъ въ лапы, потомъ вырвался,
потомъ пошелъ на нихъ, по Корниловскому рецепту съ вой-
скомъ, а потомъ, преданный войсками, былъ тѣми же боль-
шевиками, которыхъ онъ спасъ отъ Корнилова, объявленъ
контръ-революционеромъ и корниловцемъ.

* * *

Развѣ не смѣшно, что Ленинъ и Троцкій, обвиняемые въ
государственной измѣнѣ, сѣли править государствомъ, что

Гоненіе на печать, какъ и рабство, никогда не можетъ стать зако-
номъ, даже если оно тысячу разъ существуетъ въ формѣ закона.

Карлъ Марксъ. (Письма къ Руге, 1843 г.)

Плехановъ, Савинковъ и Брешко-Брешковская, наоборотъ, объявлены черносотенцами, а тѣ министры, которые раньше садили въ Петропавловскую крѣпость царскихъ министровъ, сѣли теперь сами съ ними.

* * *

Развѣ не смѣшно, что какой-то продувной Викжель (это что еще за новое кушанье?) объявилъ себя нейтральнымъ между войсками Ленина и правительственными войсками, и развѣ не юморически смѣшно, что нейтралитетъ его выразился въ охранѣ войскъ Ленина отъ нападеній правительственныхъ войскъ и, наоборотъ, въ недопущеніи правительственныхъ войскъ къ мятежному Петрограду, въ которомъ въ это время мятежники расправлялись съ правительственными юнкерами. Если бы этотъ Викжель былъ человѣкомъ, я смѣло назвалъ бы его полудиотомъ, полумошенникомъ, но Викжель не человѣкъ, это организація.

Уколупни-ка ее.

* * *

Развѣ не смѣшна исторія появленія «министра иностранныхъ дѣлъ» Троцкого у англійскаго посла и отвѣтъ посла: «такихъ я не принимаю».

Дьявольски смѣшно то, что англійскій посолъ не пустилъ русскаго министра далѣе передней, — отчего же намъ какъ-то не хочется смѣяться?

* * *

Развѣ не смѣшно, что большевики за отсутствіемъ знающихъ людей назначили начальниковъ по тюремному вѣдомству изъ бывшихъ уголовныхъ, — они молъ все-таки ближе къ этому дѣлу.

Да дай намъ въ другое время этотъ «комическій» материалъ, мы бы изъ него такое кушанье сварили, что читатель за животики бы схватился...

* * *

И, наконецъ — послѣднее — «гомерическій хохотъ, всемірный боевикъ, русская золотая серія или берегитесь надорвать кишки» — это исторія полученія изъ Государственнаго банка десяти милліоновъ рублей.

Власти, правящей Россіей, скажемъ, нужно получить для нуждъ Россіи десять милліоновъ.

Раньше какъ это дѣлалось? Министръ финансовъ писалъ ассигновку, артельщикъ ѣхалъ въ Государственный банкъ, кассиръ выдавалъ ему пачку сторублевокъ, тотъ пересчитывалъ, везъ куда надо — и все!

А теперь? Смѣйтесь же!

Для того, чтобы власть (имѣющая по логикѣ вещей въ своемъ распоряженіи милліарды) могла получить жалкіе десять милліоновъ, она собираетъ сухопутную армію, отрядъ матросовъ (?) и съ музыкой (ей Богу, самъ слышалъ — играла музыка!!) идетъ реквизиловать (?) эти десять милліоновъ.

Кассиръ твердо заявляетъ, что онъ денегъ неизвѣстнымъ лицамъ не выдастъ... и вотъ вся армія, весь флотъ бодро поворачиваетъ назадъ. Не знаю, играла ли музыка, когда армія возвращалась изъ банка безъ денегъ, — думаю, что не играла, но — подумайте! Вѣдь это же я не выдумалъ! Новая власть получаетъ деньги (да вѣдь и не получила же) при помощи солдатскихъ ружей, штыковъ красногвардейцевъ, оркестра музыки и при напремѣнномъ присутствіи Верховнаго главнокомандующаго Муравьева.

Можетъ быть, онъ, впрочемъ, и не верховный главнокомандующій, да развѣ не все равно теперь? Издастъ Ленинъ декретъ, что быть Муравьеву французскимъ президентомъ — и будетъ человѣкъ президентомъ. Лепкость въ мысляхъ такая необыкновенная, что сочинить декретъ, какъ разъ плюнуть. Вѣдь это же смѣшно, господа!!

Однако, почему же, чортъ его побери, не хочется смѣяться?

Да потому, что не Хамы мы, а страдающіе Симы и Иафеты, страдающіе за всероссійскаго брата нашего, за Хама нашего...

Вотъ она, — видите? — несчастная, голая, пьяная, съ испитымъ грязнымъ тѣломъ лежитъ во прахѣ у ногъ нашихъ... У кого изъ насъ, дѣтей ея, хватитъ чести и совѣсти разразиться надъ полутрупомъ насмѣшливымъ хохотомъ?

Нѣтъ. Мы не изъ тѣхъ, которые идутъ за гробомъ матери, приплясывая.

Крепъ на рукѣ, проклятіе убійцамъ на устахъ, открытая рана въ сердцѣ.

Плачьте, русскіе!

Арк. Аверченко.

Фантастическое провидѣніе.

Совѣтъ какой-то средь развалинъ,
Судьбу планетъ опредѣлялъ:

«Юпитеръ — долженъ быть опаленъ

«И чтобы больше не сіялъ;

«Хоть Марса красный цвѣтъ спасаетъ,

«Однакожъ «с-р-а-м», читая вездъ,

«Совѣтъ, конечно, отчисляетъ

«Его отъ родственныхъ плеядъ.

«Уранъ въ сознаніи нашемъ темень...

«Зачѣмъ онъ есть? И для чего?

«А потому, въ рѣшеніи скроменъ,

«Совѣтъ привѣтствуетъ его.

«Съ Венерой — мыслимо согласье,

«Но для того она должна

«Привлечь сюда, на одночасье,

«Боговъ еля и вина.

«Нептунъ мѣшаетъ океанамъ

«Хранить, въ дремотѣ, флотамъ власть;

«Ему, какъ прочимъ грубіянамъ,

«Немедленно рѣшаемъ: «Пасть!»

«Сатурнъ опасенъ, какъ причуда:

«Причудливъ времени законъ!

«Долой, долой его, покуда

«Самъ, насъ не задоложилъ онъ!

«А отъ земнаго притяженья

«Освободить, — ура! — луну!

«Пусть самостійно, безъ стѣсненья,

«Прѣтъ на эфирную волну.

«Собака, что выли на свѣтило, —

«Повѣситъ въ духѣ «общихъ мѣсть»,

«И къ пѣтухамъ, чтобы не фартило,

«Отправить солнце на насѣсть!

«Эпохъ подвластные закону,

«Прославимъ фруктовъ мы житье...

«Приказъ:

«Немедленно Ньютону

«Повѣситъ яблоко свое!»

* * *

Пока, въ ночи, совѣту бдѣлось,

Сошла востока пелена;

И солнце тихо загорѣлось,

И скрылась мертвая луна.

А. С. Гринь.

Я не умлю выбирать между рабствами такъ, какъ между религіями: которое рабство хуже, которое лучше... Съ обѣихъ сторонъ рабство, съ одной — хитрое, прикрытое именемъ свободы и, слѣдственно, опасное; съ другой — дикое, животное и, слѣдственно, бросающееся въ глаза...

Герценъ. (Съ того берега.)

НА ЕЯ УЛИЦЪ ПРАЗДНИКЪ...

Красный колпакъ.

(Памфлетъ.)

Красный колпакъ! Тебя извлекли изъ архива, тебя вынули изъ старенькаго комода исторіи и напялили на лысую голову экзальтированнаго фармацевта. Здравствуй, красный колпакъ!

Нѣкогда ты былъ страшенъ. Ты колыхался на площади Революціи и подъ стукъ свиной кожи барабановъ, взлеталъ вверхъ, привѣтствуя отрубленные, въ честь единой и нераздѣльной республики, головы. Ты украшалъ головы тѣхъ, кто жадно смотрѣлъ на пильотину, кто аплодировалъ всякій разъ, какъ предателю республики прихотилось «чихнуть въ мѣшокъ». И сколько разъ люди, носившіе тебя на головѣ, по приговору всесильнаго трибунала должны были разстаться не только съ тобой, краснымъ вязанымъ колпакомъ, но и съ собственной головой. Ты мудръ, красный колпакъ, ты многому научился; ты немножко циникъ, немножко философъ, жуиръ и визеръ, курильщикъ и пьяница, честный республиканецъ, горячій патриотъ, крикунъ, любитель дебатовъ, ненавистникъ дворянъ и ежедневный читатель «Друга Народа». Твой хозяинъ, — старый якобинецъ; и несмотря на всю его кровожадность, я съ удовольствіемъ пожму его руку. Правда, она въ крови, и весь онъ пахнетъ плохо, пропитанный кровью и крѣпкимъ табакомъ, но все же онъ мнѣ симпатиченъ. Онъ добрый, честный малый, онъ любитъ республику, хотя и думаетъ, что для народной свободы слѣдуетъ прикрѣплять людей къ фонарнымъ столбамъ и сѣчь монахинь, обнаруживая при этомъ тѣ части, которыя канонами воспрещены къ публичному обозрѣнію, — хотя и думаетъ, что для счастья человѣческаго рода необходимо вырѣзывать сердца изъ труповъ враговъ. Послѣ его рукопожатія остаются пятна крови, послѣ его поцѣлуя, на лицѣ рыжютъ табачныя пятна, — и все же я пртягиваю ему свою руку и говорю: «другъ».

Теперь онъ въ отчаяніи. Онъ переворачивается въ гробу и его дезорганизованныя кости ворчливо перемѣщаются въ скромномъ трехаршинномъ надѣлѣ. Шутка ли сказать, — славнаго мертвеца обокрали самымъ безсовѣстнымъ образомъ! У него украли самое цѣнное, самое дорогое, равное чести и болѣе заманчивое, чѣмъ пышная торговка рыбой съ Гревской площади. У него украли красный колпакъ! Другой мертвецъ, болѣе разсудительный, болѣе буржуазный, отнесся бы къ этой кражѣ спокойнѣе, но мертвецъ санкюлотъ дорожитъ краснымъ колпакомъ и никому не хочетъ его отдавать. Когда его хоронили, вязаный красный колпакъ положили въ изголовье, и это примирило его со смертью. Придя въ адъ, — какой же французъ попадаетъ въ рай! — онъ насвистывалъ карманьолу, и настолько былъ въ хорошемъ расположении духа, что развязно ущипнул стараго чорта, подогрѣвавшаго котель для грѣшниковъ, принявъ его въ темнотѣ за массивную патриотку изъ Верхнихъ Галлерей. Красный колпакъ помогаль ему выносить нестерпимый адскій жаръ и каленое желѣзо гг. чертей, — и вотъ теперь его обокрали.

Пришелъ лысый человѣкъ, съ лицомъ фармацевта, съ усами фельдшера и съ дешевенькимъ палстухомъ дантиста; онъ стащилъ красный колпакъ и напялил на свою лысину. Бѣдный санкюлотъ! Ему трудно примириться съ этимъ печальнымъ фактомъ. Я понимаю его. Вѣдь недаромъ же рассказываютъ, что бенгальскій тигръ былъ очень обиженъ, когда одинъ дурно воспитанный осель въ обществѣ дворовыхъ животныхъ назвалъ себя тигромъ.

Фармацевтъ промѣнялъ аптечный пультъ, аккуратныя коробочки и интимную резину на красный колпакъ безсмертнаго санкюлота. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ... Фармацевтъ! Ты топоришься, ты выплевываешь страшныя слова, ты пишешь декреты, въ которыхъ глупость пляшетъ сарабанду, а наглость соперничаетъ съ невѣжествомъ, ты издаешь приказы, которыхъ никто не исполняетъ и которые скоро ты начнешь печатать на глазированныхъ и мяжкихъ роликахъ. Мы вѣдь знаемъ тебя, экспансивнаго фармацевта, презирающаго ванну, неприемлющаго чистаго воротничка и выдерживающаго трауръ на кончикахъ пальцевъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ ты пилъ холодный чай у акушерки Ароматъ и закусывалъ дешевенькой колбаской, ведя безконечныя споры о прибавочной цѣнности. Ну, а теперь? Вѣдь теперь ты никому не нуженъ и вся твоя удаля напоминаетъ безтактный гопакъ на похоронахъ близкаго человѣка. Ты любишь кровь?

Едва ли. Ты укралъ у санкюлота красный колпакъ, ты подучилъ дикарей убивать юнкеровъ и офицеровъ, но самъ ты попрежнему тихій фармацевтъ, а не кровожадный Робеспьеръ. Послѣ убійствъ, послѣ пушечной стрѣльбы на улицахъ, послѣ самосудовъ и звѣрствъ ты рѣшилъ наполнить свой тощій бумажникъ. И началъ дѣлать это удивительно похабно, даже не какъ грабитель, а какъ маленькій, скромный клубный арапъ, выключивающій у банкомета трешницу, якобы поставленную на шваль; банкометъ отлично знаетъ, что ты и не думалъ ставить на шваль, но ему некогда, онъ не хочетъ задерживать игры и кончиками пальцевъ протягиваетъ тебѣ смятую трехрублевку. Ты дѣлаешь гордое лицо и прячешь деньги въ жилетъ.

Бѣдный красный колпакъ! Вѣдь это корона, это вѣнецъ, это тиара; а Троцкій взялъ и натянулъ корону на свою лысую голову, какъ опереточный Менелай.

Намъ тяжело. Намъ печально, и всѣ мы, если и не умѣли плакать раньше, то теперь, конечно, скоро научимся. Понимаешь, фармацевтъ, существуетъ такой предметъ, который, несмотря на все наше интеллигентское безразличіе, несмотря на всѣ наши кинематографы и богоискательства, тустелы и футуризмъ, très moutarde'ы и кантіанства, мы обожаемъ больше всего, и ранѣе слѣпые, мы даже не знали, какъ любимъ его. Правда, раньше любимый предметъ помѣщался въ участкѣ, и ключъ отъ него хранился у браваго пристава съ пышными подусниками. Мы никогда не были большими любителями казеннаго добра, и потому оно не привлекало нашихъ симпатій. А теперь мы отлично понимаемъ, что это — самая драгоценная для насъ вещь, и называется она — Россіей. Мы любимъ ее, смѣшивая любовь съ проклятіями, и настаивая нѣжностью на микстурахъ изъ презрѣнія и отчаянія. Получается горькій напитокъ, обжигающій и опасный.

Теперь пришелъ лысый фармацевтъ, укралъ у санкюлота святой красный колпакъ, надулъ свои дурно выбритыя щеки, напружинился и плюнулъ изо всѣхъ силъ въ Россію. Подъ твоимъ плевкомъ многіе почувствовали себя вполне удобно, пробормотали что-то о внезапномъ дождѣ, заботливо вытерли носовымъ платкомъ влажное чело и заиграли на козыхъ дудкахъ привѣтственный маршъ въ твою честь, а убійцы, профессиональные воры, и энергичные рецедивисты сочли тебя своимъ Мессіей и радуются въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу. Что же касается Россіи, то тутъ еще дѣло спорное. Ты опытный шулеръ и вытянулъ изъ колоды удачно подтасованную восьмерку. Но, фармацевтъ! Россіи повезетъ, и отоцавшими отъ голода, сведенными отъ ужаса, худыми пальцами она вытащитъ девятку. Вытащитъ! Обязательно вытащитъ! И тогда прежде всего сорветъ съ тебя красный колпакъ и вернетъ его по принадлежности прекрасному покойнику санкюлоту.

Красный колпакъ! Какъ обезобразилъ тебя маленькій Троцкій. Ты сморщился, скрючился, съежился и на головѣ Троцкаго тыходишь уже не на побѣдный головной уборъ санкюлота, а на опрокинутый ночной сосудъ плогаваго мѣщанина.

Бор. Мирскій.

Вышла въ свѣтъ новая книга
АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО
„СИНЕЕ СЪ ЗОЛОТОМЪ“.

Рис. Н. Д.

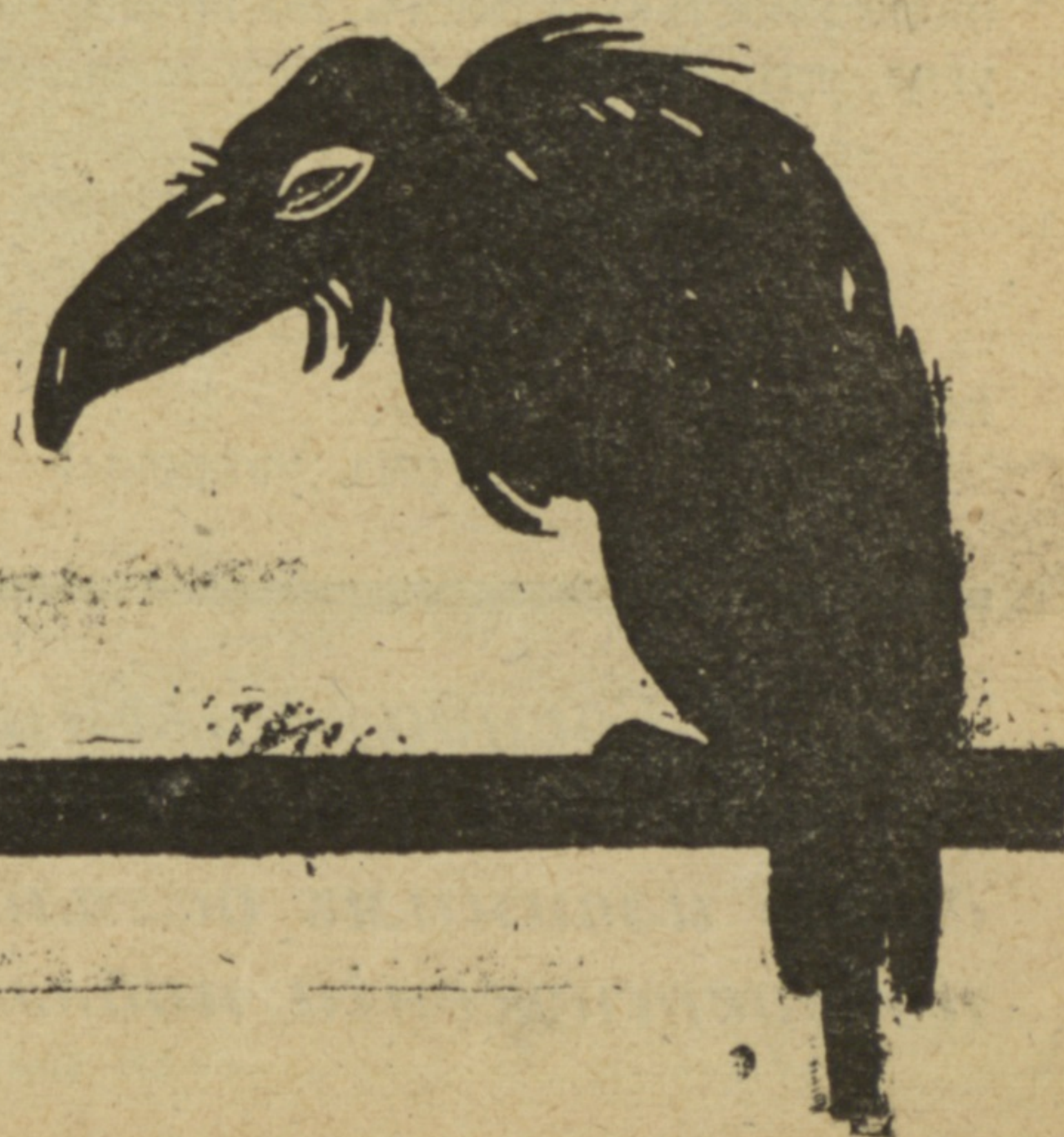

Рис. Н. Д.

Я саботирую.

(Слово обывателя.)

Фельетонъ Арк. Бухова.

Я живу въ скромной квартиркѣ, самъ я человѣкъ скромный. Служу въ почтово-телеграфномъ отдѣленіи. Отдѣленіе тоже скромное, потому, что писемъ теперь нѣтъ, деньги не доходятъ, а телеграфъ не дѣйствуетъ. Что касается посылокъ, то при системѣ аккуратной разборки рельсъ передъ революціонными и контръ-революціонными поѣздами ихъ тоже мало. Есть одна посылка еще съ марта мѣсяца, но получатель ея пришелъ, понюхалъ и заявилъ, что пусть теперь ее отдадутъ сторожу: онъ ѣсть не будетъ.

Ни въ какихъ политическихъ организаціяхъ, кромѣ домового кооператива, не состою.

А вы творите: саботирую...

Хорошо. Я вамъ расскажу по порядку, какъ это началось.

Двадцать седьмого, поглодавъ, вмѣсто завтрака хлѣбную карточку, я пошелъ на службу.

Было прекрасное утро, какъ говорятъ господа писатели, пѣли птички. Впрочемъ, птички не пѣли. Вмѣсто нихъ стояли на углу какіе-то люди и стрѣляли изъ пулемета.

Я осторожно спросилъ у нихъ, почему и въ кого они стрѣляютъ.

— А вотъ видите, на томъ углу тоже стрѣляютъ?..

— И судя по этой лошади, которая сейчасъ упала, кажется стрѣляютъ довольно мѣтко.

— Почти. Это контръ-революціонеры.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Определенно. Кто-же станетъ стрѣлять въ мирный народъ, который вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ?

Я хотѣлъ спросить, съ какихъ поръ пулеметъ сталъ принадлежностью лепкихъ, но воздержался и пошелъ къ другому углу, гдѣ были контръ-революціонеры.

— Стрѣляете?

— Да еще какъ. Съ четырехъ ночи.

— Такъ, или въ кого-нибудь?

— Гидру убиваемъ. На томъ углу контръ-революціонеры.

— А вы въ этомъ увѣрены?

— Ну, кто же станетъ стрѣлять въ мирныхъ людей, которые вышли...

— Подышать свѣжимъ воздухомъ?

— Воздухомъ.

— Съ пулеметомъ?

— Съ нимъ и безъ онаго.

Обрадованный, что это только домашній споръ по поводу политики, неудачно вынесенный на улицу, я пошелъ дальше. Улицы, какъ это пишутъ въ романахъ, приняли привѣтливый видъ: стрѣляли отосюду.

— По теоріи вѣроятностей, — спросилъ я случайно повернувшись человѣка, — они могутъ застрѣлить и меня?

— Даже безъ этой самой теоріи. Сколько такого народа сейчасъ на улицахъ перестрѣляли и не сосчитаешь...

Пользуясь опытомъ недавнихъ кампаній, февральской и июльской, я легъ на животъ и поползъ на службу.

«Каждый самъ себя ящерица, — подумалъ я, — и если этого требуетъ долгъ... Пусть этотъ тротуаръ будетъ мнѣ алтаремъ отечества: кладу на него свой животъ...»

На службѣ было сравнительно спокойно. Мертвыхъ вынесли; живые держались за перегородками.

Когда я сълъ, вбѣжали какіе-то люди съ ружьями и сказали, что они насъ будутъ защищать.

— Отъ кого? — осторожно спросилъ я.

— А вотъ мы сейчасъ будемъ стрѣлять, такъ прибѣгутъ съ улицы и въ насъ стрѣлять будутъ.

Повидимому, это былъ опытный человѣкъ, знавшій жизнь какъ свои пять пальцевъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ насъ начали обстрѣливать.

— Ну, вотъ видите, — успокоили насъ защитники, — мы же говорили, что въ васъ стрѣлять будутъ... Идемъ, ребята, сдаваться.

Послѣ того, какъ они сдались, пришли побѣдители.

— Вы не безпокойтесь, — сказали они, — мы васъ будемъ защищать. Сейчасъ, между прочимъ, стрѣльба въ васъ начнется...

Я предложилъ, нельзя ли лучше намъ кому-нибудь сдать, а чтобы защищать они пошли другое учрежденіе. Они рѣшительно отказались.

Черезъ полчаса они сдались кому-то, подѣхавшему съ пушками.

Почувствовавъ себя незащищенными, мы радостно принялись работать, даже не замѣтивъ, что какіе-то два молодыхъ человѣка, молча курившіе въ уголку папиросы, объявили насъ арестованными.

— Въ чью пользу? — освѣдомились мы.

— Не можемъ сказать, — вѣжливо отвѣтили молодые люди, — сейчасъ, навѣрное, насъ тоже арестуютъ, мы совмѣстными силами и разберемся...

Прошелъ часъ, молодыхъ людей не арестовали. Повидимому имъ везло.

Они сами искренно удивлялись этому и возмущенно ходили изъ угла въ уголокъ. Мы стали собираться домой.

— Нельзя, — заявили молодые люди, — если арестованные будутъ на свободѣ расхаживать, что же тогда не арестованнымъ дѣлать...

— Тогда ведите насъ куда-нибудь.

— Это мысль, — отозвались молодые люди, — только куда же?

— Ваше дѣло. Мы сами не арестовывались.

Молодые люди сбѣжали. Одинъ изъ нихъ оступился на лѣстницѣ, упалъ, былъ пойманъ толпой и тутъ же самосудомъ назначенъ министромъ путей просвѣщенія.

Я пошелъ домой, той же странной, медленной походкой, о которой уже упоминалъ: ноги въ ней принимали незначительное, почти незамѣтное участіе. Многимъ это показалось такимъ оригинальнымъ, что меня стали обстрѣливать даже съ крыши прекраснаго барскаго особняка. Непривычный къ такимъ незаслуженнымъ почестямъ, я быстро влѣзъ въ чужой подъездъ.

Государственнымъ человѣкомъ достоинъ называться только тотъ, въ комъ благоразуміе господствуетъ надъ увлеченіемъ страстей; но если мы даже извинимъ ослѣпленіе страстью во время борьбы, то, по крайней мѣрѣ, по достиженіи побѣды, разсудокъ долженъ вступить въ свои права!

Чевнышевскій. (Т. X, стр. 13.)

У меня не было съ собой точных, хорошо вывѣренных часовъ, но кажется не прошло и полминуты, какъ меня выкинули оттуда, пояснивъ этотъ поступокъ рѣзкимъ проявленіемъ классоваго самосознанія.

— Вотъ тебѣ, скотина!... Заведи собственный домъ и влѣзай въ него... Скоро эти товарищи еще по квартирамъ ходить будутъ...

Я хотѣлъ объяснить, почему именно я воспользовался чужимъ подъездомъ, но рѣшилъ отложить это до праздника, когда, по моимъ соображеніямъ, добрый русскій народъ утомится отъ недѣльной стрѣльбы и захочетъ отдохнуть.

Поэтому я просто легъ на землю, обхвативъ ее покрѣпче руками. Этотъ поступокъ, повидимому, очень скверно подействовалъ на моихъ случайныхъ сосѣдей, одинъ изъ которыхъ ткнулъ меня въ бокъ и убѣжденно замѣтилъ:

— Вставай, буржуй!.. Вся земля трудовому народу.

Если всѣ помѣщики съ такой же неохотой будутъ отдавать свои земли, какъ я въ эту минуту лишился своей — съ аграрнымъ вопросомъ дѣло не будетъ обстоять такъ гладко, какъ это думается. Вечеромъ я былъ дома. Жена встрѣтила меня хмуро.

— Ты только попробуй съ пулей въ животъ придти. Я тебѣ покажу...

На другой день я отдѣлался легче. Тутъ же, на своей улицѣ, меня и обстрѣляли, и защитили, и арестовали, и освободили. Съ этого момента я занялся саботажемъ.

— Государство, — сказалъ я женѣ, — не можетъ предоставить мнѣ бронированнаго автомобиля для поѣздокъ на службу, а дождевой зонтикъ не можетъ служить броней даже въ исключительное, переживаемое нами время. Меня будутъ защищать, кажется, каждый день и нашъ Петя останется сиротой. Будетъ. Я не иду на службу... Съ этого и началось головокружительное паденіе мое по наклонной плоскости саботажа.

Черезъ день я уже саботировалъ обѣдъ, потому что кто-то за городомъ задерживалъ продовольствіе, кто-то его направлялъ въ другую сторону; одна сторона замѣняла эти скромные молчаливые поѣзда блиндированными, другая — открытыми платформами съ орудіями. Я плохой политикъ и не знаю, что собственно лучше, но въ результатъ этихъ хорошо продуманныхъ манипуляцій на мою хлѣбную карточку, можно было достать все, начиная съ гвоздей и кончая корицей, кромѣ хлѣба. Въ нашемъ районѣ оказалась одна тетерька и то, какъ я узналъ, только легенда о ней, потому, что сама птица была съѣдена еще при старомъ режимѣ Временнаго Правительства, съ его ужасами, — свободой печати, слова, собраній и т. д.

Саботажъ началъ развѣдать мой организмъ, какъ ржа ѣстъ желѣзо (должно быть въ кафѣ партіями покупаетъ).

Пользуясь тѣмъ, что гдѣ-то нѣтъ угля, я пересталъ освѣщаться, ибо несмотря на всѣ мои насилія надъ кнопками и штепселями, электричество освѣщало комнату въ той же мѣрѣ, какъ это сдѣлала бы столовая посуда. Какъ бы въ видѣ протеста противъ социальной революціи, я сталъ жить влѣтѣмахъ. На другой день я уже пересталъ умываться и пить чай: изо всѣхъ водопроводныхъ крановъ можно было выжать столько же воды, какъ изъ простого кирпича.

Начался настоящій буржуазный разгулъ: голодный ходилъ я по темной комнатѣ, небритый, невымытый, прислушиваясь къ звукамъ пулеметной и орудійной стрѣльбы, изрѣдка сбѣгая въ порывѣ эстетизма внизъ къ телефону,

чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ виситъ какъ старый покойникъ, со своими двумя мертвыми кнопками.

И если меня что-нибудь тяготитъ въ эти дни, это сознание, что я угнетатель, что я гублю своимъ саботажемъ нашу страну, а въ моихъ семейныхъ кладовыхъ, за кухонной дѣрью, — продовольственные, спекулятивнымъ путемъ добытые, припасы: два большихъ черныхъ сухаря и кусокъ свиного сала съ вкрапленными въ него рыжими волосами. По всей вѣроятности это дѣтъ не свиньи, а сосѣдней кошки, у которой я его отнял на черной лѣстницѣ, пользуясь отсутствіемъ домовой охраны...

Арк. Буховъ.

Ошибочка.

Въ петроградскомъ департаментѣ.

Чиновникъ: — Стопъ, братцы! Жулика поймать! Хотѣлъ отмычкой вскрыть столъ директора.

— Что вы, товарищи, съ ума сошли? Какой же я жуликъ? Я вашъ новый директоръ, назначенный изъ Смольнаго.

— А отмычка зачѣмъ? А ножъ?

— А какъ же я иначе отъ прежняго директора дѣла приму?..

РАБОТЯГА.

Гус. Гуса.

— Ну что, Митричъ?

— Да приусталъ, тетенька, приутомился. Днем доносишь, ночью обыски дѣлаешь, а утромъ самому отъ милиціи спасаться начо...

ПЬЕДЕСТАЛЬ ДЛЯ СТАТУИ РОССИЙСКОЙ СВОБОДЫ ПО ПРОЕКТУ ЛЕНИНА И ДРУГИХ ТРОЦКИХЪ,

16-й вѣкъ. — Глупость сходитъ съ кафедры.

20-й вѣкъ. — Глупость, палачъ и шпіонъ входятъ на кафедру.

Рис. В. Л.

К о н е ц ь .

Хороню великія надежды,
Хороню одну за другою!
Пятачки кладу имъ на вѣжды
Усталой рукою,
Чтобы не смотрѣли они мертвымъ взглядомъ
На сводъ неба лазурно-бездонный.
Похороннымъ обрядамъ —
Маршъ похоронный!
Пятаки на глазахъ смотрять тупо.
Все равно, — кончились историческія перспективы.
Точку поставила пушка Круппа
Надъ вами, далекіе проливы.
Славяне, славяне, славяне,
Сыны безконечныхъ раздолій,
Погибшіе въ нѣмецкомъ капканѣ,
Не создавши свой Капитолій!
Вы не исполнили великаго долга,
Вы не слышали молитвы въ бельгійскомъ стонѣ!
И будутъ пить твою воду, Волга,
Тевтонскіе кони!
А ты, Уралъ, зеленокудрый Уралъ,
На землѣ улыбка рая,
Ты будешь достойный пьедесталь
Для сильныхъ ногъ Самурая.
И червонное солнце Крыма,
И бѣлое солнце тундръ
Освѣтитъ конторы, гдѣ неутомимо
Трудится бриттъ жестокъ и мудръ,
Для котораго отдыхъ — работа,
И васъ, славяне, съ собачьей покорностью
У конторъ ждущихъ расчета!

А. Радаковъ.

Разсказъ о собакѣ, многихъ честныхъ и двухъ нечестныхъ.

(Очень популярный фельетонъ.)

Шель по улицѣ честный рабочій. Навстрѣчу ему шель честный обыватель, а между ними пробѣгала собака. Тоже навѣрное, честная, не знаю. И рабочій и обыватель шли по дѣлу. Кажется и собака бѣжала по дѣлу; не знаю.

Случилось такъ, что когда рабочій и обыватель проходили мимо другъ друга, подъ ноги обоимъ подвернулась собака, и пришлось ей получить по хорошему пинку.

— Ишь ты, вертится... — хмуро сказалъ рабочій.

— И не говорите... — вѣжливо поддакнулъ обыватель.

И дружелюбно взглянувъ другъ на друга, разошлись. И даже у собаки не было чувства озлобленія противъ нихъ.

«Если бы мнѣ кто-нибудь подвернулся подъ лапы, — подумала она, — тоже ткнула бы. Не лѣзь».

Быть можетъ этотъ незначительный случай такъ и остался бы неизслѣдованнымъ и неопубликованнымъ, если бы не одно привходящее обстоятельство, придавшее ему историческую важность.

Шли въ это время по улицѣ два нечестныхъ человѣка.

Одинъ работалъ въ банковскихъ газетахъ и, разсердясь

еще въ февралѣ мѣсяцѣ, что изъ-за революціи приостановились биржевыя операціи, ежедневно писалъ о войнѣ до полной побѣды, о необходимости разстрѣловъ и высчитывалъ, кто сколько получаетъ нѣмецкихъ денегъ.

Другой писалъ въ газетѣ, печатавшейся въ захваченной типографіи, о томъ, что типичное занятіе интеллигенціи пить кровь изъ трудового народа, что экономическія неурядицы Россіи легко разрѣшатся обходомъ по частнымъ квартирамъ обывателей и что лучше заранѣе арестовать всѣхъ политическихъ противниковъ, чѣмъ потомъ съ ними устно и печатно возиться.

Увидѣвъ всю сцену съ собакой, оба радостно побѣжали въ свои редакціи, и на другой день газеты, попавшія къ своимъ постояннымъ читателямъ, рассказывали обо всемъ подробно.

Банковская газета писала:

«Возмутительный случай насилія надъ частной собакой. «Товарищи» не даютъ прохода не только буржуазіи, но даже ихъ домашнимъ животнымъ, птицамъ и насѣкомымъ. Вчера мы были свидѣтелями, какъ одинъ «сознательный (?) товарищъ», въ центрѣ города, подошелъ къ проходившей мимо собакѣ и, обратившись къ ней на ты, спросилъ за кого она голосовала въ районную думу. Собака, смутившись, отвѣтила, что она голосовала за уважаемую нашей редакціей группу социалистовъ-монархистовъ. Тогда «товарищъ», несмотря на обоснованные протесты собаки, самосудомъ бросился на нее — сталъ наносить ей физическіе удары по ногамъ и по хвосту. Когда же это кончится? Когда же каждый изъ насъ сможетъ выпустить свою собаку, не боясь за ея честь, нервы и безопасность?»

Другой нечестный человѣкъ въ своей газетѣ написалъ.

«Наглость буржуазіи и собаководные. Кто бы могъ подумать, что обнаглѣвшіе капиталисты-банкиры, въ формѣ чиновниковъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, начнутъ среди бѣлаго дня бросаться на нашихъ собакъ! И за что? Только за то, что собака спокойно шла по улицѣ и читала съ радостной улыбкой на лицѣ о всеобщей конфискаціи книгъ и газетъ. А вѣдь такой случай былъ вчера, на нашихъ глазахъ, когда наглый капиталистъ, спросивъ упомянутую собаку, почему она радуется и, получивъ отвѣтъ, что ее угѣшаетъ всеобщее прекращеніе литературы и искусствъ, набросился и избилъ ее буржуазной газетой. Когда же наконецъ?»

Когда читатели банковской газеты прочли замѣтку въ своемъ органѣ, ихъ охватило совершенно справедливое негодованіе.

— А если бы это была не собака, а дама? Вы думаете, онъ бы остановился? Ничего подобнаго. Избилъ бы.

— Конечно, конечно... Обнаглѣли люди. Слышишь, Вѣрочка?

— Съ собакой-то? Слышу. Что же они теперь и собакъ дѣлать начнутъ?

— А ты какъ думаешь... И подѣлать. Вырѣжутъ насъ и подѣлать.

— Нѣтъ, какая наглость... Сейчасъ они собакъ избиваютъ, завтра кошекъ, а послѣзавтра по квартирамъ ходить начнутъ...

— И начнутъ. Въ крови захлебнемся.

Среди читателей другой газеты замѣтка ихъ въ органѣ вызвала не менѣе справедливое негодованіе.

— Попили нашей кровушки. Теперь къ собакамъ лѣзть стали.

— Да ихнему брату буржую все равно. Нажрется бѣлаго хлѣба, сахару нагрязется, вотъ его и тянетъ на разбой надъ нашимъ братомъ...

— Они еще себя покажутъ, еще настрѣляются... Виданое ли дѣло, — собака смѣется, такъ ее бить за это...

— Классовое это у нихъ. Царя хочется.

Собака, о которой идетъ рѣчь, вечеромъ гдѣ-то раздобыла кость, наглодалась и легла у печки, даже не подозрѣвая, что въ породѣ начинается волненіе.

На улицахъ стали собираться оживленные группы.

— Слыхали? Избили кого-то упрямъ.

— Пустяки. Собралось навѣрное человѣкъ десять и пострѣляли...

Кто насилуетъ обстоятельства, того обстоятельства насилуютъ въ свою очередь...

Л. Толстой. (Кругъ чтенія.)

— Стрѣляли? Десять? Хорошо, что не сто.
— Сто? Убитыхъ? А раненыхъ навѣрное тысячи...
— Тысячи раненыхъ?.. До чего дошло, до чего дошло...

На другой день публики на улицахъ стало меньше. Два нечестныхъ челоуѣка сидѣли по домамъ и посылали телеграммы въ редакціи провинціальныхъ газетъ.

Одинъ писалъ:

«Среди населенія паника. Погромъ неизбеженъ. Гарнизонъ и пролетаріатъ прозятъ затопить въ крови городъ».

Другой писалъ:

«Среди населенія паника. Буржуазія грозитъ затопить городъ, гарнизонъ, пролетаріатъ и его окрестности въ крови».

На каждомъ углу появились вооруженные солдаты.

На каждомъ противоположномъ углу тоже появились вооруженные солдаты.

— Если меня не вырѣжутъ къ утру, — совѣщались обыватели въ центрѣ города, — нужно будетъ завтра прикупить мучицы.

Мучицу везли въ поѣздѣ, а такъ какъ мучица это не какіе-нибудь тамъ брилліанты, или мѣха, а вещь дорогая, ее охраняли солдаты, политическое направленіе которыхъ было неизвѣстно. Благодаря послѣднему обстоятельству, передъ поѣздомъ были сейчасъ же разобраны рельсы. Сзади поѣзда, гдѣ тоже не знали о настроеніи солдатъ, рельсы были разобраны тоже.

Мучица осталась въ поѣздѣ.

Одинъ нечестный челоуѣкъ написалъ въ своей газетѣ:

«Голодь надвинулся! Чернь остановила поѣздъ съ продовольствіемъ и хочетъ голодомъ выморить буржуавію. Доколѣ же?..»

Другой нечестный челоуѣкъ въ своей газетѣ написалъ:

«Буржуазія задерживаетъ поѣзда съ мукой. Пусть интеллигенція отвѣтитъ за это передъ народомъ! Пора, пора!»

Толпы голодныхъ людей на улицахъ останавливались передъ домами, гдѣ сидѣли въ своихъ квартирахъ тоже голодные люди, смотрѣли вверхъ на окна и говорили:

— Сидятъ по своимъ квартирамъ! Имъ что, — они сыты! Гребутъ деньги, буржуи паршивые...

А голодные люди въ квартирахъ смотрѣли изъ оконъ на улицу и ворчали:

— Ходятъ тутъ... Поденно чуть ли не по тридцать рублей получаютъ... Имъ хорошо теперь, — у нихъ все есть...

И было всѣмъ грустно и голодно.

* * *

Такъ создается исторія въ революціонные дни. И когда я читаю и слышу о дѣтскихъ трупахъ на улицѣ, о крови на тротуарахъ и о крикахъ мести, — одной ненавистью сжимается у меня сердце: къ тѣмъ, кто спокойно и упорно зоветъ къ крови, къ ожесточенію и сладострастно причмокиваетъ подлымъ сердцемъ, предвкушая радостные ихъ душамъ бойню и избіенія...

Мефистофель говоритъ Фаусту: «Кровь, — сокъ всѣмъ особенною свойства». И не отъ того жутко жить, что шальная пуля въ любой моментъ можетъ отправить въ могилу любого изъ насъ, а то, что вся жизнь пропитана этимъ сокомъ...

Пропитываться такимъ сокомъ честные люди не могутъ.

Арк. Буховъ.

Рис. В. Лебедева.

Tempora mutantur.

... Когда рабочіе-красногвардейцы проходятъ теперь по Москвѣ, то московскіе буржуи кричатъ имъ:

— Довольно вы попили нашей кровушки! Будя!

— Что это за челоуѣкъ? Онъ все время бѣгаетъ то туда, то сюда. Сумасшедшій, что ли?

— Нѣтъ, это Луначарскій. Онъ то уходитъ отъ большевиковъ, то снова бѣжитъ къ нимъ. Сегодня уже такъ-то седьмой разъ.

— Викжель — это фамилія?

— Фамилія.

— А имя какъ?

— Іудушка.

* * *

«Смолкли честные, доблестно павшіе,
Смолкли ихъ голоса одинокіе,
За несчастный народъ вопіяшіе...
Но разнузданы страсти жестокія.
Вихорь злобы и бѣшенства носится
Надъ тобою, страна безотвѣтная:
Все живое, все честное косится...
Слышно только, о, ночь неразсвѣтная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Какъ враги, торжествуя, скликаются...
Какъ на трупъ великана убитого
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...»

(Извѣстное по рукописнымъ спискамъ, стихотвореніе Н. А. Некрасова, не вошедшее въ изданіе его сочиненій.)

МЫСЛИ.

Рытье окоповъ, это такого рода земледѣліе, при которомъ урожай не возмѣщаетъ посѣва.

* * *

Тяжелое орудіе часто бываетъ аргументомъ крайняго политическаго легкомыслія.

* * *

«Не рой другому ямы, самъ въ нее попадешь», — гласитъ пословица. Марсъ ее переиначилъ: «Не рой себѣ окопа, — другой въ него сядетъ».

* * *

Военные флоты, это — кандалы; въ которые закована свобода морей.

И. О.

ИХЪ СТРАТЕГІЯ.

Армія русской революціи опирается на неисчислимые резервы. Угнетенныя націи Азіи (Китай, Индія, Персія) такъ же страстно ждуть паденія режима капиталистическаго насилія, какъ и угнетенные пролетарскіе классы Европы.

Слить эти силы въ мировую революцію противъ имперіалистской буржуазіи — вотъ историческая задача рабочей и крестьянской Россіи.
(„Правда“.)

Рис. Ре-ми

Сборъ резервовъ въ Азіи.

Дѣйствія съ наличными силами въ Россіи.

Память о нихъ никому не нужна.

Кусочекъ хлѣбца лакомый!
Хлѣбца нѣтъ у дитяти!
Ползаетъ ребѣнокъ ракомъ,
Вышибаетъ слезу у тяти.

Тятя бы мѣръ ограбилъ,
Если бы не кашлялъ кровью.
Давно ли карандаши Фабера
Ломалъ не поведя бровью.

А теперь смотритъ скелетомъ,
То смѣется, то рыдаетъ звонко,
Развлекаетъ глупыми куплетами
Умирающаго съ голоду ребенка.

— Бѣжала коза черезъ мостикъ
Ухватила кленовый листикъ...
Мамочка ушла въ хвостикъ,
Не плачь, мой маленькій глистикъ!

— Хорошо ли козочка кушала?
Спрашивалъ дѣдъ у стервы...
Но ребенокъ сказки не слушалъ
Умиралъ и дѣйствовалъ на нервы...

Въ половинѣ второго ночи
Изъ хвоста пришла мама —
Увы! Хлѣба ни кусочка,
Ни лота, ни золотника, ни грамма.

Принесла мама арбуза
Съѣли и умерли всѣ трое.
Но не заработали аппараты Юза
Въ ночь съ перваго на второе.

Молчали телеграфы, радио,
Телефоны молчали дружно,
Ибо знали всѣ въ Петроградѣ,
Что Петроградъ разпружать нужно.

Валентинъ Горянскій.

Наши назначенія.

Послѣ назначенія большевиками на постъ завѣдующаго
тюремнымъ вѣдомствомъ бывшаго уголовного преступника,
мы предлагаемъ привлечь цѣлый рядъ специалистовъ въ со-
отвѣтствующія вѣдомства:

1) По министерству финансовъ — взломщика несог-
раемыхъ кассъ Петьку Рябчика.

2) По министерству внутр. дѣлъ — убійцу Тиме —
Далматова.

3) По мин. иностранныхъ дѣлъ — оставить того же
Троцкаго.

4) По мин. путей сообщенія — поѣздного вора Сеньку
Блатного.

5) По военному министерству — оставить того же
Крыленку. Смѣшнѣе ничего не выдумаетъ.

6) По мин. труда. — Ну, конечно, Бснчъ-Бруевича,
такъ трудолюбиво бѣгавшаго изъ типографіи въ типографію
и своими руками закрывавшаго газеты.

7) По морскому министерству — Ленина! Обязательно
Ленина! Никто не умѣетъ болѣе талантливо садиться въ
лужу, чѣмъ онъ.

8) По мин. народнаго здравія. — Доктора Панченку.
Тов. министра О-Бріенъ-де-Ласси.

9) И, наконецъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго сино-
да — разбойникъ Чайкинъ, такъ талантливо украсившій об-
разъ Казанской Божьей Матери.

Ямбо.

Волчьи ягоды.

Углубленіе революціи.

Какъ говорится — „достигъ я высшей власти:

Всѣми тюремными начальниками и арестными домами столицы
признана власть „главнаго комиссара по дѣламъ заключенія“, Янков-
скаго, еще недавно занимавшагося... продажей газетъ. Янковскій на-
значенъ на мѣсто главнаго тюремнаго начальника — профессора уго-
ловнаго права Жижиленко.

Собственно, дѣйствительно, какая между ними раз-
ница?

Только та и есть разница, что одинъ занимался прода-
жей газетъ, а другой покупкой.

Гуть моргенъ!

„Петроградскій Листокъ“ сообщаетъ цѣнные данныя о
новомъ петроградскомъ телефонѣ:

Нѣкая дама звонитъ и вызываетъ № — ну, скажемъ: 435-44.
Можете себѣ представить удивленіе дамы, — насколько въ наши дни

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ.

Рис. В. Лебедева.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ ДОБРАГО РУССКАГО НАРОДА.

что-нибудь может удивить, — когда въ отвѣтъ ей со станціи переспрашиваютъ по-нѣмецки:

— „Фиръ хундертъ фюнфъ ундъ дрейсигъ, фиръ ундъ фирцигъ?“

Дама едва не выронила трубку, однакоже, сдержавъ себя, снова повторила № по-русски, лишь затѣмъ, чтобъ услышать его еще разъ повтореннымъ по-нѣмецки. Такъ какъ дамѣ очень хотѣлось соединиться съ этимъ номеромъ, она сдалась, назвала номеръ по-нѣмецки — и ее тотчасъ же соединили.

Слѣдующій шагъ — это снятіе всюду популярныхъ плакатовъ „Просятъ не говорить по-нѣмецки“ и повѣшеніе новыхъ: „Просятъ не говорить по-русски“.

Такъ что, къ приходу нѣмцевъ, глядишь, — анъ все и будетъ готово.

Дурацкое.

Объ этомъ рассказываетъ Максимъ Горькій, уѣзжавшій въ Москву:

На Мясницкой солдаты стрѣляютъ изъ-за угла въ какой-то переулокъ, туда хочетъ пройти нѣкій штатскій человѣкъ, его не пускаютъ, уговаривая:

— Застрѣлятъ, товарищъ! Тамъ сидятъ какіе-то...
— Но вѣдь весь этотъ кварталъ въ вашихъ рукахъ?
— А откуда вы знаете?

Штатскій идетъ въ переулокъ и видитъ: на одномъ изъ дворовъ, за желѣзной рѣшеткой воротъ, возятся, устраивая баррикаду изъ ящиковъ и бочекъ, девять солдатъ, десятый сидитъ у стѣны, сумрачно перевязывая окровавленную ногу.

— Вы съ кѣмъ воюете?
— А вонъ тамъ, за угломъ, какіе-то.
— Но вѣдь это, навѣрное, ваши же совѣтскіе?
— Какъ же — наши? Вотъ они человѣка испортили...

Штатскій уговариваетъ воиновъ вступить съ врагами въ переговоры, беретъ на себя роль парламентаря и въ сопровожденіи одного воина возвращается на Мясницкую. Оказывается — воюютъ солдаты одного и того же полка и между ними происходитъ типичный русскій діалогъ:

— Вы, что, черти, ослѣпли?
— А вы?
— Мы думали — юнкера!
— И мы то же самое.

Такіе талантливые стратеги, что можно подумать — подъ начальствомъ самого верховолава Крыленко работали!...

По мордѣ.

Журналистъ Л. Клячко рассказываетъ „какъ начался новый режимъ“.

— Когда велась осада Зимняго Дворца я до послѣднихъ минутъ велъ телефонный разговоръ съ мин. А. И. Коноваловымъ.

Вплоть до 2-хъ часовъ ночи я получалъ отвѣты въ томъ смыслѣ, что дворецъ еще держится. Правда, послѣ 11 часовъ отвѣты носили все болѣе неуверенный характеръ. Видно было, что находившіеся во дворцѣ чувствуютъ, что съ каждой минутой положеніе ухудшается.

Пока я говорилъ съ представителями старой власти, разговоръ велся въ обычномъ стилѣ.

Послѣдній разъ я позвонилъ въ 2 ч. 5 мин. ночи.

Отвѣчалъ мнѣ бодрый и радостный голосъ. На вопросъ, можно ли попросить къ телефону А. И. Коновалова, я получилъ отвѣтъ:

— Мы ихъ всѣхъ погнали въ Петропавловку. — И захлебываясь началъ сообщать подробности. А затѣмъ сказалъ: — Я позову старшого.

У старшого я спросилъ не можетъ ли онъ дать подробности о взятіи дворца.

— Я могу вамъ дать по мордѣ, — послѣдовалъ краткій отвѣтъ товарища и единомышленника дипломата Троцкаго.

Увы! Ни одному Л. Клячко обѣщано „по мордѣ“.

Вся Россія получила такое „по мордѣ“, что едва ли она когда встанетъ на ноги...

Очередной выпускъ.

— Ты кто?
— Я политическій.
— По какому дѣлу?
— О кражѣ часовъ у жандармскаго полковника.
Теперь это даже проще:
Начальникъ „Крестовъ“ получилъ ордеръ, за подписью недавно

назначеннаго новой „властью“ главнаго комиссара по домамъ заключенія Янковскаго объ освобожденіи убійцъ прис. пов. Шлосберга матросовъ 2-го флотскаго экипажа Степана Суханова, Федора Рыбкина и Василія Лебедева.

Какъ извѣстно, всѣ вышеназванные матросы обвинялись въ совершеніи убійства съ цѣлью грабежа. Въ ордерѣ же новаго верховнаго временнаго начальника значится, что убійцы Шлосберга подлежатъ освобожденію „какъ политическіе заключенные“.

Итакъ, прозвучалъ новый лозунгъ:

— Убійцы всѣхъ странъ, соединяйтесь съ большевиками! Полная безнаказанность!

Букетъ.

Подносимъ читателю сей душистый букетъ, составленный изъ лучшихъ цвѣтковъ рабочей и крестьянской революціи...

Цвѣточекъ первый:

Въ Александровскомъ рынкѣ два „товарища-матроса“ продавали золотую, усыпанную драгоценными камнями рамку, откровенно заявляя, что это изъ Зимняго дворца. За эту художественную вещь матросы просили 20.000 рублей.

Цвѣтокъ второй:

А во второмъ Нарвскомъ районѣ арестованы два солдата л.-гв. Преображенскаго полка Терентій Комаровъ и Юсифъ Мечковский. Они уличены въ кражѣ различныхъ вещей изъ Зимняго дворца.

Цвѣтокъ третій:

По сообщенію очевидцевъ на набережной Мойки вблизи Невскаго неизвѣстнымъ въ солдатской формѣ продавались носовые платки съ мѣтками. На мѣткахъ корона и инициалы А. Ф.

Цвѣтокъ четвертый:

Доставлена въ комендантство Зимняго дворца милиціей Московскаго района ваза изъ бронзы, отобранная по сообщенію М. Соколова, владѣльца магазина по Невскому пр., № 71, отъ солдата.

И, наконецъ, послѣдній цвѣтокъ, красный, какъ макъ:

Вчера днемъ, служащіе судоходнаго надзора вытащили у парходной пристани противъ клиники Вилліе, трупъ неизвѣстнаго въ формѣ генерала со слѣдами нѣсколькихъ штыковыхъ ранъ, безъ сапогъ и съ вывернутыми карманами.

Вся „третья революція“ прошла подъ знакомъ вывороченнаго кармана: убить генераль — карманы выворочены, отрѣзана у юнкера голова — карманы выворочены, убить прохожій корниловецъ — карманы выворочены, и даже у священника въ Гатчинѣ послѣ убійства его — былъ срѣзанъ золотой крестъ.

Отнынѣ головной уборъ третьей революціи не фригийскій колпакъ, а вывороченный карманъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Муссъ-Куссу. — Хотя этотъ номеръ „Сатирикона“ и траурный, но вы такой чудакъ, что можете разогнать самое траурное настроеніе...

... Домъ Липиныхъ с. стоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, украшенныхъ (?) шестью окнами и крытый крышею...

Неужели? Какая странная постройка.

По этому же рецепту можно вашего Липина описать такъ: „Самъ Липинъ состоялъ изъ туловища и нѣсколькихъ конечностей, украшенныхъ пальцами, и крытый человѣческой головой“.

Иначе, очевидно, читатель ни дома, ни Липина представить себѣ не можетъ...

О. Ц. (пріѣзжему). — О. Ц. приводитъ такой разговоръ:

— А, знаете, большевики пошли уже ва-банкъ.

— Да; плохо только, что они пошли ва Государственный банкъ.

Осмѣлимся замѣтить, что предлога „ва“ нѣтъ. Есть предлогъ „въ“.

Правда, тогда не вышла бы ваша острога.

Ну, и не надо.

Ave.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконтъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

Свобода! — великое громкое слово, тысячи разъ кровавыми буквами записанное на скрижаляхъ исторіи и въ сознаниіи людей; прекрасный, но страшный сфинксъ, безжалостно пожирающій всякаго, кто не разгадаетъ его хитрыхъ загадокъ. Кто только не игралъ этимъ словомъ... Кто не выворачивалъ его на всѣ лады... Сколько жертвъ заколото на алтарь этой двусмысленной богини, этого Протея, вѣчно ускользающаго по мъртвото, какъ люди къ нему, повидимому, приближаются! Жертвы валяются въ пропасть, но пропасть остается бездонною...

Н. К. Михайловской. (Т. I.)

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1918** годъ

на журналъ мягкаго юмора и твердой — какъ ударъ кастетомъ — сатиры.

Годовымъ подписчикамъ будетъ дано:

52 №№ обильно иллюстрированнаго журнала
въ краскахъ

2 цвѣтныхъ премій (бесплатно).

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Увидѣвъ это бѣдное объявленіе о подпискѣ, большинство нашихъ вѣрныхъ подписчиковъ спроситъ съ легкимъ недоумѣніемъ:

— Виновать, какъ же вы смотрите на наше ближайшее русское будущее, если среди общаго крушенія и обломковъ, все-таки объявляете солидную, спокойную подписку?

Читатель нашъ и подписчикъ! Несмотря ни на что — мы бодро и увѣренно смотримъ впередъ.

За ночью — наступаетъ день.

За преступленіемъ — наказаніе.

1917 годъ — былъ годомъ гнуснаго подлаго преступленія. 1918 годъ — будетъ годомъ разсвѣта и годомъ жестокаго наказанія для негодяевъ, годомъ ужаснаго разочарованія для дураковъ.

Мы съ вами, читатель, ни дураки, ни негодяи.

Мы — судьи и прокуроры...
Итакъ — судъ идетъ!

* * *

Судъ, конечно, судомъ, но тутъ же рядомъ принимается и **подписка** на этотъ годъ — годъ правосудія, расчета и мести.

А условія ея по нынѣшнимъ временамъ очень даже сходныя:

За 12 мѣс. (съ преміями) — **30 руб.**, за 6 мѣс. — **15 р.**, за 3 мѣс. — **7 руб. 50 коп.** и за 1 мѣс. — **2 руб. 50 коп.**

Адресъ нашъ: Петроградъ, Невскій, 88.

Хотя при пересылкѣ за границу стоимость журнала, обыкновенно, повышается, но мы посылаемъ журналъ въ Украину, Сибирь, Кавказъ, Финляндію и др. — по той же цѣнѣ. Чихать намъ на такую границу!

ИЗДАТЕЛЬСТВО.

1918 г. открыта подписка XIII годъ изданія.

на роскошный художественно-литературный журналъ съ громадной галлереей картинъ въ краскахъ, орнаментами, конгревнымъ тисненіемъ, барельефами и многими многокрасочными и золотыми украшеніями.

ПРОБУЖДЕНІЕ

12 роскошныхъ выпусковъ художественно-литературнаго журнала, въ красивыхъ рельефныхъ папкахъ, съ приложеніемъ изящныхъ книгъ и цѣнныхъ премій. 12

При каждомъ № „УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ“. Новые законы Россіи. Подписавшіеся на 1918 годъ получаютъ приложенія:

12 РѢДКИХЪ ПО ИЗЯЩЕСТВУ художественныхъ **ПОРТРЕТОВЪ** — **БАРЕЛЬЕФОВЪ** первыхъ истинныхъ борцовъ за народъ.

30 КАРТИНЪ: ВЪ КРАСКАХЪ, автотипія, олеографія, фототипія, гравюры и друг.

Собранія сочиненій знаменитыхъ русскихъ писателей, свѣтлыхъ мучениковъ за счастье русскаго народа

Полныя собранія сочиненій:

Казненнаго въ 1825 году поэта

Н. В. РЫЛЪЕВА

Осужденнаго въ Сибирь поэта

Кн. А. ОДОЕВСКАГО

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. ДОСТОЕВСКАГО

яркаго сторонника сближенія съ народомъ.

Запрещенныя сочиненія:

Великаго защитника крестьянъ

Гр. Л. Н. ТОЛСТОГО

Борца за пролетаріатъ, знам. критика

Д. И. ПИСАРЕВА

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ,

МАРСЕЛЬЕЗА

цѣнный, художественной работы портфель-альбомъ,

— въ память русскаго революціи 1917 г., —

съ приложеніемъ революціонныхъ, литературныхъ и музыкальных произведеній для концертовъ-митинговъ, съ изящными открытыми письмами и коллекціей украшенной многокрасочными орнаментами, художественной бумаги для писемъ.

Двѣ роскошныя стѣнныя картины въ краскахъ:

Грядущая весна. || **Въ надзвѣздныхъ краяхъ.**

Испанск. художн. НАМПА. Размѣръ картинъ 60 сант.

АБОНЕМЕНТЪ: на годъ **20 р.** на полгода **10 р.**

Пробный № высылается за **1 рубль**

Петроградъ, Редакція «Пробужденіе», Суворовскій пр., с. д. № 41.

Ред.-изд. Н. В. Корвакій.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Аркадію Аверченко.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 2 руб.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 2 руб.

Чудеса въ рѣшетѣ.

Цѣна 2 руб.

Караси и щуки.

Цѣна 75 коп.

Тэффи.

Ничего подобнаго.

Цѣна 3 руб.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 2 руб.

Аркадію Буховъ.

Чортово колесо.

Цѣна 1 р. 50 к.

Жуки на булавахъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Тихія непріятности.

Цѣна 2 р. 50 к.

ПОСЛѢДНЕЕ ЗАВОЕВАНІЕ РЕВОЛЮЦІИ.

Рис. А. Радакова.

— Повѣсили Россейшку-то? Здорово... Спасибо, что сапожки-то оставили: поживимся...

Рис. А. Радакова.